

УДК 271.2+784

НЕКАНОНИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛАСОВЫХ МОДЕЛЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ Г. НОВОКУЗНЕЦКА)

Фаттахова Лейла Ринатовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры инструментально-го исполнительства и музыкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, РФ). E-mail: fattler@omsu.ru

Пение по мелодической модели – древнейшая каноническая форма бытования древнерусской модии. В системе знаменного осмогласия существует несколько типов таких моделей: погласица псалмов «Господи, возвах», погласица стихир, самогласен, подобен. В работе рассматривается процесс исполнения стихир по мелодическому образцу самогласна на примере воскресной службы третьего гласа в белокриницкой общине г. Новокузнецка, зафиксированной автором в ходе экспедиционной деятельности. На основе анализа авторских нотировок стихир и крюковых образцов самогласнов обнаруживается, что ни одна стихира не соответствует третьему гласу службы: все стихиры вечерни (десять на «Господи, возвах» и на стиховне «Страстию твоею Христе») были распеты на второй глас, а стихиры утрени (шесть на хвалитех и две воскресных) – на восьмой. И хотя прихожане исследуемой общины вполне владеют техникой пения на мелодический образец самогласной стихир, и сами модели – напевы, которыми исполняются стихиры, зафиксированные в общине, – не имеют принципиальных отличий от крюкового образца, можно констатировать неканоническое использование самих гласовых моделей, что свидетельствует о некоторой утрате знаний о гласовом пении.

Ключевые слова: богослужбное пение старообрядцев, осмогласие, мелодическая модель, стихира, самогласен.

NON-CANONIC USAGE OF TONE PATTERNS IN THE TRADITIONAL OLD-BELIEVERS' SERVICE (EXEMPLIFIED BY COMMUNITY OF RUSSIAN ORTHODOX OLD BELIEVERS' CHURCH IN NOVOKUZNETSK)

Fattakhova Leyla Rinatovna, PhD in Art History, Associate Professor of Instrumental Performance and Musicology Department, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: fattler@omsu.ru

Chanting according to melodic model is the oldest canonic form of the old Russian chanting art. In the znamenny eight-mode system, there are several types of such models: poglasitsa of psalms “Lord, I cry into thee!” poglasitsa of stichera, automelon, prosomion. The article considers chanting stichera according to the melodic model of automelon exemplified by the Sunday service of the third mode at Belokrinits Community (Russian Orthodox Old Believers' Church) in Novokuznetsk, recorded by the author during the expeditions. Automela is the first stichera to “Lord, I cry into thee!” of all eight tones. The term “automelon” itself in the old Russian music stands for “chanting with an autonomous original melody which can be used with another text of any length”.

The author attempted to make a musical notation of the stichera sung at the service and of znameny patterns of automela from the old Russian chant manuscripts. Researches of stichera and their znameny versions helped find out that no sticheron corresponds to the third mode of the service: all the stichera of Vespers were sung for the second mode and stichera at Matins - for the eighth mode. Parishioners of the community under study have got a comprehensive command of chanting according to the automelon sticheron pattern. The patterns themselves, melodies stichera are sung with, recorded in the community do not crucially differ from znameny pattern. At the same time one can prove non-canonic usage of melodic models which signifies that this community old believers' knowledge of mode chanting is fading away.

Keywords: liturgical chants of Old Believers, Octoechos, melodic model, stichera, automelon.

Пение по мелодической модели – древнейшая, интонационно наиболее простая, каноническая форма бытования древнерусской монодии [5, с. 62]. В системе знаменного осмогласия существует несколько типов таких моделей: погласица псалмов «Господи, возвах», погласица стихир [1], самогласен [2], подобен [3]. Каждая модель используется для распевания конкретных текстов, предусмотренных каноном.

Самогласными названы первые стихиры на «Господи, возвах» всех восьми гласов. Сам термин «самогласен» в древнерусской музыке обозначает «песнопение, имеющее самостоятельный оригинальный напев, которое может быть исполнено с иным текстом любой протяженности» [2, с. 483]. Рассмотрим этот процесс на примере

воскресной службы третьего гласа в белокрыницкой общине г. Новокузнецка. Проанализируем крюковой вариант соответствующего самогласна (пример 1).

Как и всем самогласнам, ему присущ строчной принцип строения: на основе нескольких гласовых строк пропеваются тексты многострочных стихир различной продолжительности, при этом соблюдаются определенные правила чередования строк. Заключительная строка никогда не повторяется, выполняя функцию каденционной.

Каждая строка имеет различную мелодико-ритмическую организацию, но основывается на общих принципах построения. Как правило, она состоит из трех элементов: инициальный оборот, речитация на одном звуке и каденция. Два основ-

Пример 1

Самогласен, глас 3, «Твоим крестом»

Тво им Крестом Христе Спа се
 сме рти держа ва ра зру ши ся
 и ди я во ла леств у прязни о ся
 род же че по ве че ски и ве ро ю спа са ем
 песнь Ти все гда - при но сим.

ных акцента строки – в инициальном и каденционном разделах, соответствуют двум ударениям вербального текста и выделяются ритмически – более долгим звуком, либо мелодически – внутрислоговым распевом. Конечному тону строки всегда соответствует более долгая длительность.

Для характеристики самогласна значимость представляют следующие критерии: число используемых строк-моделей (типов моделей), их мелодическая организация и функционирование в форме. Типы моделей выявляются из всего массива строк на основе тождества господ-

ствующего и конечного тонов, а также ладового наклонения и объема звукоряда. В построении музыкальной формы самогласна третьего гласа участвуют три композиционных единицы – три типа модели: А, В и С. Строки А и В повторяются дважды, чередуясь, строка С – каденционная (АВ₁В₁С).

Исследовав аналогичным образом все стихирь, исполняемые на службе (в том числе и сам самогласен «Твоим Крестом»), мы пришли к выводу, что ни одна из них не соответствует крюковому образцу самогласна (пример 2).

Пример 2

Стихира на «Господи, воззвах» «Твоим крестом» (самогласен), глас 3

6 сек.

Тво им кре стом Хри сте спа се

4,6 сек.

смер ти де ржа ва ра зру ши

4,4 сек.

и ди я во ле леть у пра здни ся

6 сек.

род же че ло ве че ски и ве ро ю спа са ем

песнь Ти все гда при но сим.

Несмотря на то, что уставом для данной службы предписано исполнение стихир третьим гласом (и он каждый раз провозглашался), все стихирь вечерни (десять на «Господи, воззвах» и на стиховне «Страстию твоею Христе») были распеты на второй глас, а стихирь утрени (шесть на хвалитех и две воскресных) – на восьмой.

Семистрочная композиция письменной версии самогласна второго гласа (пример 3) опирается на четыре мелодических модели: А, В, С и D.

Модели А и В чередуются дважды, в пятой строке появляется новый тип модели – С, затем повторяется А (с сокращением инициального и речитативного разделов строки), последняя строка (D) – каденционная (АВ₁В₁С₂D).

Самогласен, глас 2, «Первовечному от Отца рождшуся»

Пе рво ве чно му от О тца рождъ шу ся Бо жи ю Сло ву
во площу шу ся от Де вы Ма ри и
при и ди те по кло ни мся ра сля ти е бо пре те рпелъ
и по гре бе ни ю пре да де ся
я ко Сам во ско те
и во скрес и зме ртвых
и спа се мя блу дя ща по че по ве ка.

Используемый на вечерне самогласен «Твоим Крестом» (пример 4) также имеет четыре типа модели: А, В, С и D. В устной версии только пять строк (соответственно тексту), поэтому исчезают повторы в третьей и четвертой строках, в остальном же структура устной и письменной версии самогласна совпадает (ABCA₁D).

Сравним ладомелодические характеристики всех моделей. Модель А в устном варианте отличается незначительной деталью: в начальном обороте исчезает проходящий звук **d**. Версии мо-

дели В различаются начальными тонами. Это связано с акцентностью вербального текста. В самогласне второго гласа вторая строка начинается с безударного слога (нота **c**), следующий, акцентный, слог приходится на тон **e**. В устной версии (текст самогласна третьего гласа) соответствующая текстовая строка начинается сразу с ударного слога и нотируется «акцентным» **e**. Расхождения в модели С также связаны с текстом. Соответствующая строка стихир имеет 10 слогов (первый акцент на третьем слоге), а в самогласне второго

гласа – шесть (начинается сразу с ударного слога). Поэтому в письменном варианте мелодической строки инициальный оборот представлен только инициальным тоном (d), раздел речитирования включает три звука, каденционный оборот обозначен лишь конечным тоном, так как на него приходится последний акцент строки. В устном варианте инициальный оборот включает подвод (с-е) на безударных слогах, медиальный раздел составляют пять звуков, подвод к заключительному тону приходится на ударный слог и обозначается внутрислоговым распевом (опевание).

Яркой особенностью каденционной строки (D) в устной версии является мелодическое движение по звукам тетраорда в каденции (f-e-d-c).

Такой тип каденции не обнаружен ни в одном из крюковых вариантов самогласнов и является репрезентативным для описываемой общины.

Как уже было отмечено выше, все стихиры вечерни были распеты на образец самогласна, то есть первой стихиры «Твоим Крестом». Такая функциональная замена крюковых вариантов, зафиксированных в книгах, пением по модели вполне допускается каноном и позволяет «на ограниченное число мелодико-ритмических формул распевать значительное количество молитвенных текстов» [6, с. 66].

Самогласен восьмого гласа (пример 4) имеет пятистрочную композицию.

Пример 4

Самогласен, глас 8, «Вечернюю песнь»

Handwritten musical score for the hymn "Вечернюю песнь" (Evening Song) in G major. The score is written on five staves in a single system. The lyrics are written below the notes. The notation includes treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a 2/4 time signature. The melody is characterized by a stepwise descent in the final phrase. The lyrics are: "Ве че рию ю песнь и сло ве сию ю слу жбу Те бе Хри сте при но сим я ко бла го и зво ли е си по ми ло ва ти нас во скре се ни я ра ди." The final note is a half note G, with a fermata above it.

Пять строк образца распеваются на четыре мелодические модели: А, В, С и D (АВСА₁D). В первой строке (модель А) в силу краткости вербального текста (пять слогов) отсутствует раздел речитации, он «восстанавливается» в четвертой строке (А₁), состоящей из девяти слогов. Во всех моделях, кроме конечной, последний слог нотируется двугласостепенным знаменем (в первой и третьей строках – голубчик тихий, во второй – крюк с подчашием), при этом конечный тон соединяется с инициальным последующей строки проходящим либо вспомогательным звуком. Последняя строка (модель D) – наиболее протя-

женна по тексту. Основной звук инициального оборота (g) завуалирован распевом (крюк «скамеица») и воспринимается как вспомогательный к господствующему тону. Формула каденционного оборота значительно расширена за счет распевов на промежуточном и заключительном акцентах (крюки «скамеица» и «сложитие с запятой и подверткой»).

Большинство стихир, исполняемых по образцу данного самогласна, имеют более протяженный напев. Для примера рассмотрим первую стихирю на хвалитех «Приидите, вси языцы» (пример 5).

Пример 5

Стихиря на хвалитех «Приидите вси языцы», глас 3

Музыкальный пример 5: Стихиря на хвалитех «Приидите вси языцы», глас 3. Музыкальная запись на шести строках с нотами и текстом. Длительности строк: 3,8 сек., 4 сек., 3,2 сек., 4,2 сек., 2,7 сек., 3,7 сек.

При и ди те вси я зы цы

ра зу мей те стра шны я тай ны си лу:

Хри стос бо Спас наш

(и) же (есть пе рво сы и) сло во,
[e]

ра спя тся нас ра ди,

и во ле ю по гре бе ся

и во скре се из ме ртвых

е же спа сти вся че ска я

то му по кло ни мся.

Девять строк стихир распеваются на четыре мелодических модели самогласна с соблюдением порядка чередования первых трех и завершением каденционной строкой: А, В, С, А₁, В₁, С₁, А₂, В₂ и D (АВСА₁В₁С₁А₂В₂D).

Кроме традиционного варьирования инициального оборота и протяженности зоны речитации, можно отметить еще ряд различий в моделях письменного и устного вариантов. Во всех строках хвалитной стихир внутрислоговые распевы используются только на последнем ударном слоге, а начальные акценты отмечены выдержанным звуком. Меньше распевов и в каденциях. Например, во второй и пятой строках (модель В) распевы полностью отсутствуют, исчезли соединительные проходящие и вспомогательные звуки между строками, в заключительной строке каденционный распев значительно упрощен. В модели А (строки 1-я, 4-я, 7-я) появляется яркий предка-

денционный квартетный скачок (с-f). Но в целом эти детали не нарушают канонических принципов распевания стихир на самогласен.

Таким образом, можно констатировать, что прихожане исследуемой общины вполне владеют техникой пения на мелодический образец самогласной стихир. Сами модели – напевы, которыми исполняются стихир и припевы, зафиксированные в общине, не имеют принципиальных отличий от крюкового образца. В то же время, отмечается неканоническое использование самих гласовых моделей (аналогичные наблюдения см. в исследовании И. В. Полозовой [4, с. 240–242]). И если распевание стихир утрени на восьмой глас еще могло быть случайностью, ошибкой, то исполнение на вечерни самого самогласна вторым гласом свидетельствует о некоторой утрате знаний о гласовом пении.

Литература

1. Владышевская Т. Ф. Погласица // Музык. энциклопед. слов. – М., 1990. – С. 426–427.
2. Владышевская Т. Ф. Самогласен // Музык. энциклопед. слов. – М., 1990. – С. 483.
3. Казанцева Т. Г. Стихир-подобны в богослужбной практике староверов-странников сибирского региона // Вестн. Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. – М., 2009. – Вып. 2(5): Музыкальное искусство христианского мира. – С. 76–124.
4. Полозова И. В. Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев: формы бытования в исторической перспективе. – Саратов, 2009. – 336 с.
5. Рябцева В. А. Церковно-певческие традиции староверов как самобытное явление современной музыкальной культуры Сибири // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 4 (25). – С. 57–64.
6. Федоренко Т. Г. Традиции литургического пения старообрядцев семейских // Национальная самобытность искусства на рубеже тысячелетий: мат-лы науч.-практич. конф. – Улан-Уде, 2000. – С. 65–69.

References

1. Vladyshevskaya T.F. Poglasitsa [Poglasitsa]. *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Music]. Moscow, 1990, pp. 426-427. (In Russ.).
2. Vladyshevskaya T.F. Samoglasen [Samoglasen]. *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Music]. Moscow, 1990. 483 p. (In Russ.).
3. Kazantseva T.G. Stikhiry-podobny v bogosluzhebnoy praktike staroverov-strannikov sibirskogo regiona [Stihira-podoben in the liturgical practice of the Old Believers-wanderers Siberian region]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Saint Tikhon's Orthodox University]. Moscow, 2009, vol. 2(5): Musical Art of the Christian world, pp. 76-124. (In Russ.).
4. Polozova I.V. *Tserkovno-pevcheskaya kul'tura saratovskikh starobryadtsev: formy i byitovaniya v istoricheskoy perspektive* [Church-singing culture Saratov Old Believers: forms of existence in a historical perspective]. Saratov, 2009. 336 p. (In Russ.).
5. Ryabtseva V.A. Tserkovno-pevcheskie traditsii staroverov kak samobynoe yavlenie sovremennoy muzykal'noy kul'tury Sibiri [Church-singing traditions of the Old Believers as the original phenomenon of modern musical culture of Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no. 4 (25), pp. 57-64. (In Russ.).
6. Fedorenko T.G. Traditsii liturgicheskogo peniya starobryadtsev semeyskikh [The tradition of liturgical singing Believers Semeiskie]. *Natsional'naya samobytnost' iskusstva na rubezhe tysyacheletiy: materialy nauchno-prakticheskoy konf.* [National identity of art at the turn of the millennium: materials of scientifically-practical conf.]. Ulan-Ude, 2000, pp. 65-69. (In Russ.).